

чумы – чумы информационно-коммуникационной. Место прежнего эпидемического субстрата заняла информация, распространяющаяся так же разнонаправленно и всеохватно, как и полчища чумных блох в портовых городах средневековья. Информационные сети, насквозь пронизавшие все урбанизированные ландшафты планеты и образовавшие особо плотные сгустки в мегаполисах, стали одновременно и связующим, и разобщающим фактором. Собственно, сами по себе сети нейтральны. Но лишь до тех пор, пока субъекты, обладающие властной монополией на информационные ресурсы, не начинают использовать их в своих идеологических, политических или экономических целях. Социальная чума и диссоциация городского сообщества начинается тогда, когда сети начинают транслировать токсичную информацию, прежде всего, преследующую цели манипуляции массовым сознанием. Масс-медиа обрушивают этот новый, информационный штамм чумы на головы населения, средства связи и коммуникаций обеспечивают мгновен-

ное его распространение по социальной горизонтали, и, спустя незначительное время, город и его пространства становятся жертвами мгновенно возникающей поляризации информационного поля и, как следствие, программ человеческого поведения.

Впрочем, это уже отдельная тема, развить которую будет разумнее вне рамок настоящего текста. Ограничимся пока лишь мыслью о том, что опыт чумы много глубже и объемнее, чем это может показаться на первый взгляд. А потому смысл пушкинских строк из «Пира во время чумы» обнаруживает непреходящую актуальность.

*Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой....
Что делать нам? и чем помочь?*

Чума и город как формы абсурда / The Plague and the City as Forms of Absurdity

Чумные эпидемии превращали город из места спасения в место гибели. Чума была обезврежена химией и тут же вернулась – в утрате масштаба, росте городских территорий и дорог, в появлении чудовищных городских лабиринтов.

Ключевые слова: город; чума; парадоксальность; амбивалентность; явления современной урбанизации, аналогичные чуме. /

Замечательное эссе Леонида Салмина о городской чуме наводит на бесконечное размножение, как в узорах кафельной плитки, следствий этого парадоксального бедствия. Именно парадоксального – что и делает его таким амбивалентным – толкая людей в пляс на краю могилы.

Парадокс же в том, что чума, как и справедливость, не разделяет своих и чужих, виноватых и невинных – она карает всех без разбора, разрушая и нарушая и логику, и закон рациональной мысли.

Город из места спасения становится местом гибели, поцелуй становится отравлением. Мы готовы принять парадоксальность удачи, но парадоксальность безвыходности становится замыканием плюсов и минусов цепи – коротким замыканием.

Она стирает одну из самых загадочных границ – границ внешнего и внутреннего, как будто мы вступаем в лукавую игру с самим лукавым: метя в него, попадаем в самих себя или, что еще хуже, в своих любимых. Стекло превращает пустоту в стену, а зеркало – взгляд вперед во взгляд назад.

Впервые рефлексия служит не пониманию, но безнадёжности понимания.

Город как символ закона и порядка становится местом издевательства над законом и порядком; в каком-то смысле сказки Л. Кэрролла превращают этот парадокс в абсурд, и то, что мифу казалось нарушением,

Plague epidemics turned the city from the place of recovery to the place of death. The plague was neutralized by chemistry and came back immediately in the loss of the scale, growth in urban territories and roads, and emergence of awful city labyrinths.

Keywords: city; plague; paradoxicality; ambivalence; contemporary urbanization phenomena; analogous to plague.

становится разрушением, а разрушение – нарушением. Эта алогичность города может быть и была явлена чумой как назидание логическому конструированию, сохраняющему целостность.

Усвоила ли архитектура этот урок, разорвавший мнимую ясность триады Витрувия и все последующие ветви рационального функционализма? Была ли эта игра диверсией против логики и конструктивизма, призывом к возвращению в царство природы, где абсурд зарастает добротой?

Чума как новый механизм вавилонской башни, как лабиринт – или символ безвыходности с ее амбивалентностью – и людей вновь тянет в этот лабиринт. И они специально делают лабиринты и как игру, и как назидание для легковой надежды, показывая, что тут мы сталкиваемся с двумя противоположностями, путающими следы и предчувствия.

Можно ли эту чудовищную игру обманов превратить в игру ума, своевременное понимание блага и зла?

Город и чума – это огромный, до неба растущий знак вопроса.

Эта загадка природы была обезврежена химией. И тут же вернулась в утрате масштаба роста территорий и дорог – нового лабиринта, с которым пытаются бороться с помощью скорости, светофоров и столкновений – с самими собой.

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport